

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛИННИК

доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-экономических дисциплин, Карельская государственная педагогическая академия (Петрозаводск, Российская Федерация)
YuLinnik@yandex.ru

Рец. на кн.: Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. 413 с.

Книга К. К. Логинова двупланова: она воссоздает образ края в полноте его могучей само-реализации и вместе с тем раскрывает ход летальной болезни, погубившей северную лепоту. И панегирик, и некролог.

Вместе с автором мы бредем среди осколков и дивимся его дару: чудом уцелевший фрагмент он умеет облекать аурой целого. Вся его книга – я бы так сказал – голографична: опустошенное Водлозерье мы видим выпукло и подробно как будто в период расцвета. Вот оно – живое и самодостаточное; поющее былинны и слушающее сказки; добывающее свой трудный хлеб и шьющее свои совершенные лодки. Вспотримся в водлозерскую зыбку. Как она похожа на маленький гроб! Символ, вырезанный снаружи, отсылает нас к погосту – дерево на треугольном основании означает могилу. К. К. Логинов пишет: «Все это вместе взятое имеет отношение к идее возрождения Христа и защитной магии» (С. 74). Думается, тут можно взять шире: зыбка воплощает архетип вечного возвращения, лежащий в основе средиземноморских религий – они предвозвещают христианство. Именно он организует и обрядовое оформление аграрного цикла. Водлозерье аукается с Элевсином. Уже возле зыбки мы можем ощутить предельную знаковую насыщенность водлозерского пространства. Конечно же, это его главная особенность – тут что ни вещь, то символ, имеющий дополнительные, подчас абсолютно неожиданные для нас смыслы. *Жердь*, на которой качается *зыбка*: оказывается, это путь, по которому еще невоплощенные души будут нисходить вниз. Стены избы раздвигаются в бесконечность. Дальнее прямо и непосредственно связывается с горним. И что мы чувствуем? Жизнь предстает невероятно значительной, в ней высвечиваются скрытые перспективы. Ее нельзя пускать в распыл. Принятая с благодарностью, она должна быть прожита достойно – по установлениям пращуров. Двоение смыслового пространства – теснейшая сопряженность мира и иномира – непрерывный диалог видимого и невидимого: эту специфику Водлозерья мы благодаря таланту исследователя переживаем с невероятной доподлинностью. Все вокруг – *текст*. Мир подвергся тотальной семиотизации. Каждый предмет, помимо своего функционального смысла, говорит о чем-то другом. Куда

ни посмотри – всюду *биллингвы*: явления общаются с нами на двух языках – обыденном и потаенном. Владению соответствующим кодом учат с детства. Что такое водлозерский космос? Это система нетривиальных взаимоподобий! Именно поэтому *симпатическая магия* играет едва ли не главную роль в мироощущении водлозеров. Она предопределяет многие поведенческие императивы. Это прекрасно показано автором монографии. «Не ужинай с детьми в потемках – могут ненароком утянуть лишний кусок. Все должно быть на свету». Так принимаются превентивные меры против воровства. «Следи за тем, чтобы ребенок не обежал вокруг стола, на котором находится пища» – предотвращается полное застолье: не надо лишних ртов – ресурсы семьи ограничены. «Хочешь зачать мальчика? Положи под кровать пилу или топор. Чаешь рождения девочки? Помести туда же веретено». Для водлозеров подобные корреляции были более чем реальными. Никто еще не опроверг того тезиса, что мысль или эмоция могут напечатлеться на предметах, придавая им новые и энергетические, и информационные возможности.

Что такое вочеловечивание мира? Думается, что это не только набор метафор, а еще и формы вполне вероятной, но пока гипотетической диффузии психического и материального – народная магия могла уже давно открыть то, что рациональное знание лишь начинает смутно предчувствовать. Вместо врага поражаешь его образ? Это действие бессмысленно в обычном физическом пространстве. Но ведь манипуляции совершаются в пространстве особом – знаковом, ритуальном. Мы ничего не знаем о его законах. Случайно ли маги из поколения в поколение повторяют свои волхования? Безрезультатность давно привела бы к элиминации их практики.

Нас особо заинтересовали случаи *симпатической магии*, основанные на омонимии, – скрепой между разнородными явлениями становится слово. «Снится *сор* – жди *ссоры*». Это общерусский пример. А вот сугубо местное: «приблизился *Охтомостров* – будешь *охать*». *Симпатическая магия* интересно задействована в процессах *гадания*. Вытащенное наугад полено оказалось *шадровитым*? Значит, и суженый будет красивым. Более того: внимательно вглядываясь в чурку, ты можешь получить и другую

информацию, скажем, о комплекции будущего супруга. Не на основе ли такого *креативного взглядывания* в дерево некогда рождались выразительные идола? Мы не случайно так подробно остановились на *симпатической магии*. Благодаря ей в мире водлозеров минимизировано *отчуждение* – вещи рождаются друг с другом и с человеком, обнаруживают готовность к взаимопревращениям. Но в этом мире есть напряжения – есть *конфликты*. О них сказано много нового и интересного. Однако этот многоуровневый мир устроен так, что он спонтанно – в силу родства всего со всем – стремится к восстановлению нарушенного равновесия. Раны в нем быстро регенерируют. Преходящие нелады всегда отступают перед вечным ладом. И провокативную, и буферную роль в конфликтах могут играть скрытые измерения. Космология сегодня много говорит о неизвестных формах материи – *темной, зеркальной*. Может, из этой материи созданы лешие, домовые, водяные? Реальность персонажей так называемой *низшей мифологии* для водлозеров абсолютна и безусловна. *Обменённый*: так назывался ребенок, родившийся от соития женщины и нездешнего существа. Между разными мирами осуществляется *обмен* – не редко *подмена, подлог* – допустима взаимозаменяемость. Это ли не свидетельство их глубокой инвариантности? Уж коли Эрот соединяет мир и иномир, то в пределах земной природы он тем смелее нарушает границы – бракует людей и животных. К. К. Логинов свидетельствует: «Рассказы о рождении ребенка в результате полового контакта женщины с медведем тоже многократно записывались исследователями» (С. 266).

Сила мифогенеза не иссякла на Водлозере. Причем сохраняется главное, открытое в мифе А. Ф. Лосевым: он воспринимается и переживается как *явь*, даже *сверхъявь*. Мы вправе говорить о наивности водлозерской души. Или о ее детскости. Это бесценное качество. Без него улетучивается творческий потенциал этноса. Закономерно, что в жизненном цикле Водлозерья детство занимает особое место – через эту фазу не стараются прогнать дитя как можно быстрее. Скорее наоборот: детство культивируют – признают его своеобразную харизму. На Водлозере и ныне дает знать о себе поверье, что дети до семи лет, пока не зарастет родничок на темени, вхожи в иномир – могут принести оттуда важные сведения. Прекрасны заговоры, призванные усыпить ребенка: «*Заря утренняя Дарья, заря вечерняя Марья, заберите у младенчика бессонье*». Ребенок взрослеет. Если это девочка, то о ее переходе в новый возраст скажут *краски* – следы первых регул на одежде. Знаковым закреплением этого момента станет надевание «рубашки с узкой полосой вышивки красным по белому по краю подола» (С. 153). Угловатая отроковица превращается в очаровательную *славутницу*.

Чистым и возвышенным был предбрачный период на Водлозере. Освященные временем нормы сдерживали порыв юных страстей. Это оборачивалось прочностью и чинностью семейного уклада. Молодежь Водлозерья умела организовать свой досуг. Уютные *посиделки*! Самозабвенные беседы! Для их проведения обычно арендовалась изба. Девушки намывали избу по воскресным дням. И было у них такое правило: приходиться с одним поленом на топку и с одной калиткой для хозяина. Зимними вечерами отлаживалось взаимопонимание – контурно намечались будущие браки. И вот в дом нагрянули сваты: «входили гурьбой, не объясняя толком цели своего приезда, закидывали свои рукавицы на воронец большим пальцем вверх (“на удачу”), проходили к лавкам и садились под матицей» (С. 216).

В монографии скрупулезно описывается неторопкое, размеренное и привязанное к праздникам движение полновесного, вязкого времени. *Переход за переходом!* Это продуктивное понятие А. ван Геннепа очень хорошо работает у К. К. Логинова. Оно предполагает разделенность цикла на дискретные периоды. Вступление в каждый сопровождается кризисом, чье разрешение облегчается благодаря ритуализации.

И вот последний порог. Умирание человека – прощание с ним – память о нем: все это имело на Водлозере тщательно проработанное, отшлифованное в веках обрядовое обрамление. Были смерти благодатные и смерти тяжелые. Труднее всех умирали колдуны. Одного из них (по фамилии Колец) хоронили в 1954 году. Покойника везли на Ильинский погост ногами вперед, дабы не запомнил обратной дороги. А в гробу его перевернули лицом вниз. Пока копали могилу, он успел занять в своей домовине нормальное положение – причем лицо его было в крови. Водлозерью был знаком ужас прикасания к наоборотному бытию. Осиновый кол, вогнанный в могилу Колеца, прошел ему промеж лопаток. Вот еще один знак нейтрализации темных сил: зуб бороны-суковатки, вбитый в крышу дома, где жил другой известный колдун, – еще недавно в деревне Келкозеро можно было увидеть этот своеобразнейший апотропей.

Водлозерская конфликтология многоаспектна. Однако до той поры, пока не вторглась цивилизация, остроты в противоречиях не было. (В 1892 году в Канзанаволоке открыли первый кабак. Тотальная пьянка вела к деструкции Водлозерья.) Иерархия на уровне и семьи, и деревни, и волости не являлась жесткой – Водлозерье долго сохраняло дух вечевого новгородской свободы, личность не чувствовала пригнета.

Монография восполнила пробелы в изучении Водлозерья, его образ стал острее, диалектичнее. Благодарствуем Константину Кузьмичу Логинову за его впечатляющее воссоздание.

Поступила в редакцию 11.09.2012